

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	7
Прогулка первая	13
Тостер	13
Прогулка вторая	19
Часть первая. Краткая история почти чего угодно	19
Часть вторая. Крупные фигуры	31
Прогулка третья	44
Часть первая. Промышленная революция	44
Часть вторая. Маркс и революция, которой не было	52
Прогулка четвертая	62
Рынки: кто отвечает за снабжение Лондона хлебом?	62
Прогулка пятая	79
Бытовое поведение: не всегда можно получить желаемое, но если очень постараться... ..	79
Прогулка шестая	93
Фирмы: монополии, олигополии, сговоры и конкуренция	93
Прогулка седьмая	110
Победители и проигравшие: капитализм, рынки и неравенство	110
Прогулка восьмая	128
Когда рынки терпят неудачу: внешние эффекты, общественные блага и общие ресурсы	128

Прогулка девятая	145
Рынок и информация: почему Red Bull больше не окрыляет	145
Прогулка десятая	159
ВВП: не все важное можно сосчитать	159
Прогулка одиннадцатая	173
Рост: как мы можем сделать мир лучше для Гакотера и Чоудхури	173
Прогулка двенадцатая	187
Работа без передышки отупляет Джека	187
Прогулка тринадцатая	202
Часть первая. Финансовые рынки в теории: почему мы должны любить банкиров	202
Часть вторая. Финансовые рынки на практике: когда ждать неприятностей и как быстро разбогатеть	214
Прогулка четырнадцатая	227
Деньги	227
Прогулка пятнадцатая	247
Часть первая. Депрессии, рецессии и чем могут помочь правительства: фискальная политика	247
Часть вторая. Депрессии, рецессии и чем могут помочь правительства: денежно-кредитная политика	257
Прогулка шестнадцатая	267
Выход на глобальный уровень: почему международная торговля делает нас богаче (но не всех)	267
Прогулка семнадцатая	286
Последняя прогулка на кладбище	286
Примечания и ссылки	292
Благодарности	303

ВСТУПЛЕНИЕ

Читатель, позволь представить тебе Монти, который в этой книге сыграет важную роль. Пусть он не суперзвезда, однако на звание лучшего актера второго плана претендовать точно может. Монти — мальтийская болонка. Иногда я по ошибке называю его мальтийским терьером, что, разумеется, неверно. Хотя мальтийская болонка походит на терьера упрямством и склонностью к вспышкам агрессии, она принадлежит к другой группе пород, и ей место скорее на коленях у хозяина, чем на охоте. Мне всегда казалось странным, что таких болонок называют по-английски «мальтийскими собаками». Это совершенно излишне, ведь никто не перепутает Монти с мальтийским кроликом или мальтийской морской свинкой. Порой его можно принять за мальтийскую муфту: он белый, пушистый и после мытья напоминает одуванчик. Однако в другое время Монти выглядит болезненным и унылым, словно оживший чих. Вдобавок у мальтийских болонок нередко появляются темные слезные дорожки у глаз, из-за чего Монти похож на альбиноса-рокера в разгар душевной драмы. Хотя среди осо-

бенностей породы не значит высокий интеллект, Монти с виду кажется любознательным, а еще он любит вопросительно склонять набок свою маленькую головку, благодаря чему он, по крайней мере, кажется хорошим слушателем.

Все сказанное выше касается внешности Монти, но его характер интересует нас гораздо больше. Если у вас есть собака, то вы наверняка с ней разговариваете. Скорее всего, ваше общение ограничено словами похвалы и ласки вперемежку с требованиями подойти, сесть или прекратить гоняться по двору за курьером. По крайней мере на некоторые ваши реплики, думаю, собака отвечает. Вероятно, она использует традиционные собачьи методы: лай, рычание, вой и виляние хвостом. И, вероятно, бывало, что собака выражалась весьма выразительно и вы могли с легкостью сформулировать ее желание словами: «Что такое? Хочешь печенья? И поскорее?»

Монти — собака необычная, поскольку ему очень хорошо удается донести свои мысли. Этот навык он развил во время прогулок, описанных в книге «Как натаскать вашу собаку по философии» и научивших его диалектике, то есть познанию через беседу.

Читатель, естественно, может скептически относиться к способности домашнего питомца участвовать в относительно интеллектуальных дебатах на сложные темы (кстати, этот вопрос подробно рассматривается в вышеупомянутой книге). В таком случае я предложу вам альтернативную точку зрения. В романе «Третий полицейский» великий ирландский писатель-юморист Флэнн О'Брайен описывает процесс, при котором человек и велосипед в силу одной научной истины — броуновского движения, то есть колебания молекул в веществе — и тесного контакта человеческого зада и седла настолько крепко соединяются друг с другом, что между ними невозможно провести четкую границу. В результате велоси-

педы зачастую начинают проявлять человеческие черты — например, в холода любят прислоняться к радиаторам отопления. Нечто подобное, несомненно, происходит с собаками и их хозяевами. Много часов Монти провел у меня на коленях (этим он занят, к слову, и прямо сейчас — спит после ужина), и неудивительно, что пес в какой-то степени стал мной, а я — им. Итак, пока мы будем гулять, вы вольны представлять в качестве младшего собеседника в наших дискуссиях либо Монти, на которого оказал влияние Энтони Макгоуэн, либо Энтони Макгоуэна, на которого повлиял Монти.

После философских прогулок стало ясно, что Монти хочет продолжения. Философия — это много всего: способ наточить затупившийся клинок вашей рациональности; увлекательная серия историй о том, какова природа реальности; руководство по более этичному образу жизни. Однако можно возразить, что философия упускает из виду большую часть существования в современном мире: от нашей повседневной борьбы за заработок до устройства общества с максимальной пользой для наибольшего количества людей. Дыра немаленькая с любой точки зрения — и человеческой, и собачьей. Заполнить этот пробел должна экономика, отсюда и название классической книги Роберта Хайлбронера по истории экономики — «Философы от мира сего» [1]. Именно экономика спускает нас, философов, с небес на землю.

Многие из нас давно запутались в хитросплетениях экономических сил, порожденных тем, как товары производятся, покупаются и продаются. Однако эти силы определяют то, как мы живем. Конечно, в основе всех нас лежит человеческая натура, но на бесконечно сложное устройство современной жизни — на то, как мы работаем, где живем, что носим и едим, как, наконец, проводим время после выхода на пенсию, — на все влияют огромные силы, несопоставимые с человеческими.

Экономика — лучший из возможных инструментов для понимания этих сил (что мне как философу действительно больно признавать).

Далее последует серия прогулок, в ходе которых Ребекка Кэмпбелл, появлявшаяся и в книге «Как натаскать вашу собаку по философии», старается объяснить основные принципы экономики Монти, а через него и мне. И вам. Хотя книга «Как натаскать вашу собаку по экономике» задумана как ненавязчивое дружеское разъяснение, на самом деле она почти в точности соответствует структуре стандартного вводного курса для студентов, только что начавших обучаться экономической специальности. И, как и подобный курс, книга делится на две половины: сначала речь идет о микроэкономике, а затем о макроэкономике. Не волнуйтесь, термины будут вскоре объяснены, а пока микроэкономикой будем считать мелочи вроде причин и последствий экономических решений, принимаемых людьми, а макроэкономикой — масштабные понятия, например политику правительства и национальных банков в отношении процентных ставок и государственных расходов.

Экономика и политика, очевидно, тесно переплетены. Решения в экономике имеют политические последствия, а решения в политике — экономические. Поэтому я должен отметить, что, как и любой успешный брак, наш основан на разногласиях. Доктор Кэмпбелл — большая поклонница рынков и капиталистической системы, которые, по ее мнению и не без эмпирического обоснования, изменили к лучшему жизнь миллиардов людей. Я же выгляжу безответственным анархо-синдикалистом с марксистскими наклонностями. На прошлое Рождество я просил берет Че Гевары и наклейку для гитары с надписью «Эта машина против фашистов». (Раз уж вы спрашиваете, что я получил в итоге, так это сифон для содовой и пачку нижнего белья M&S.) Монти, вобравший в себя моле-

кулы Макгоуэна-бунтаря, бросит вызов некоторым рыночным постулатам доктора Кэмпбелл, но факт остается фактом: экономика изучает работу рынков, которые и будут в центре внимания этой книги.

Пожалуй, надо сказать еще несколько слов о домашнем хозяйстве семьи Макгоуэн-Кэмпбелл. Экономисты любят объяснять сложные концепции на примерах из жизни. Самый известный такой пример (в том смысле, что о нем слышали даже не экономисты вроде меня) привел Адам Смит в начале своего шедевра «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776). Создание булавки на первый взгляд может показаться вам относительно несложным процессом. И тут вы будете неправы: «Один рабочий тянет проволоку, другой выпрямляет ее, третий обрезает, четвертый заостряет конец...» — говорится в главе «О разделении труда»¹. Список продолжится до тех пор, пока не наберется восемнадцать различных операций, каждую из которых выполняет какой-нибудь бедняга, занимающийся только ею одной и ничем больше.

Разделение труда, хотя и лишает удовольствия от изготовления булавок, значительно увеличивает производительность. Смит считает, что десять человек, работая вместе, могут производить более 48 000 булавок в день. Один человек изготовит только двадцать. Какой дурак встанет на пути такого прогресса?

Маргарет Тэтчер (к которой, как вы, наверное, понимаете, мы с доктором Кэмпбелл относимся по-разному) любила сравнивать управление национальной экономикой с семейным бюджетом: нужно найти баланс расходов и доходов, экономить здесь, чтобы потратить там. Спойлер: это чушь. Управление

¹ Цит. по: Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / Пер. с. англ. П. Клюкина. М.: Эксмо, 2016. Кн. I. Гл. 1. С. 69.

национальной экономикой не похоже на ведение домашнего хозяйства. Тем не менее в обоих случаях важна специализация.

Вот почему в нашем доме каждому назначена своя роль. Наша дочь Роза обеспечивает радость и энтузиазм. Наш немногословный сын Гейб остужает всем пыл. Ребекка (она же доктор Кэмпбелл) обустривает быт, оплачивает счета и следит за тем, чтобы домашнее хозяйство не погрузилось в хаос. Монти одаривает всех любовью, как умеет только собака. Моя же работа обычно заключалась в том, чтобы бродить по дому, выключая за остальными свет, а также вынимать грязные тарелки из посудомоечной машины и складывать их заново, руководствуясь строго научными принципами (читайте — собственными странными теориями). Да, и еще водить Монти на долгие прогулки, которые легли в основу книги «Как натаскать вашу собаку по философии». Впрочем, теперь Ребекка берет эту обязанность на себя, а я отступаю в тень, хотя вы можете представить, что я волшебным образом проявляюсь через Монти. И, как сказал или, может, не сказал Маркс (тот, что Граучо¹), без собаки лучший друг человека — это книга, а вот с собакой особо не почитаешь.

Энтони Макгоуэн

¹ Джулиус Генри «Граучо» Маркс — американский актер, участник комик-труппы «Братья Маркс». — *Примеч. перев.*

Прогулка первая

ТОСТЕР

Поговорим о том, что попытка собрать тостер может поведать нам о рынках и, в более широком смысле, об экономике.

Вся семья в тот день была не в настроении, и завтрак вышел сумбурным. Философ (то есть мой муж Энтони Макгоуэн) умеет вносить хаос, как никто другой. Сам он, похоже, думает, что хаос помогает творчеству и что, если метнуть на кухне гранату, в результате взрыва действительно получится торт. Роза и Гейб ссорились из-за того, кто будет сидеть на сломанном стуле, — битву, как всегда, выиграла Роза. Гейб ворча поплелся к тостеру и засунул в прорезь слишком толстые ломтики хлеба. Через несколько секунд тостер начал дымиться, затем что-то хлопнуло и свет погас.

— Без паники! — закричал Философ с нотками паники в голосе.

У него есть кое-какие таланты из разряда «умелые ручки», и один из них — способность найти нужный тумблер на электрощите с предохранителями (для этого необходимо рыться в шкафу для верхней одежды и бормотать проклятия). Но сегодняшняя проблема переключением тумблера не решилась.

— Все из-за тостера! Кристаллы дилития загрязнены обугленными фрагментами ионизированных дисахаридов, — сказал Философ. (Ну или что-то в этом духе.) Потом он произнес

слова, от которых наша семья пришла в ужас: — Пойду принесу ящик с инструментами.

Гейб испустил горестный вздох, Роза застонала, я закрыла лицо руками. Монти побежал в спальню и спрятался под подушку.

Полчаса спустя тостер был разбит, а кухня выглядела, как свалка из фильма «Безумный Макс».

— Ладно, Монти, — сказала я. — Идем отсюда.

Мы решили не отправляться на долгую прогулку, а неспешно пройти по тихим переулкам Вест-Хэмпстеда в лучах осеннего солнца. Наш Философ придумал игру для этого времени года под названием «Русская рулетка с куста». Правила просты: нужно есть все без разбора фрукты и ягоды с кустов, которые растут у домов соседей и в парках. Его логика заключается в том, что пара ягод или один кусочек вряд ли окажутся смертельной дозой, а по вкусу часто можно понять, ядовиты плоды или нет, и в случае чего выплюнуть. Хуже всего было, когда он съел мякоть зеленого грецкого ореха, приняв его за незрелый персик. Начались спазмы, потом его вырвало, и Философ изрек, что вкус отвратительный, зато никто не умер. Я, разумеется, участия в игре не принимаю, однако считаю ее довольно поучительной — она снова демонстрирует очевидное превосходство экономики над философией.

— Так, Монти, — заговорила я. — Давай-ка побеседуем о тостерах.

Монти поднял брови. У него определенно есть брови и, если уж на то пошло, что-то вроде усов, причем и усы, и брови на удивление выразительны.

— *Полагаю, меня ждет какая-нибудь поучительная история или пример, а не просто рассуждения о том, кто виноват во взрыве тостера?*

— Угадал. Будем считать это ненавязчивым введением в экономику.

— *Хитро!*

— Прежде чем возьмемся за тостер, обсудим краткое определение. В широком смысле экономику можно считать наукой о том, как люди делают выбор и как их выбор влияет на общество. Сюда относится и принцип компромисса, и понимание человеческой реакции на стимулы. Большая часть экономики связана с тем, как работают рынки. А когда их нет...

— *Видимо, речь идет не только о Камден-маркете, где Роза покупает модную обувь, а Философ — редкие виниловые пластинки в маленьком киоске?*

— Да, я говорю не только о магазинах. Рынок — это любое место в сети или в реальном мире, где люди взаимодействуют, чтобы покупать и продавать, то есть обменивать товары или услуги на деньги. Наш торговый центр можно считать одним из примеров. Важно, что рыночный обмен возможен только благодаря более крупным учреждениям и инфраструктуре, которые обеспечивают торговлю. Эти крупные структуры смазывают колеса коммерции, а также помогают взглянуть на рынки со всех сторон, и мы посвятим им большую часть времени на следующих прогулках.

— *Может, намекнешь, что за структуры ты имеешь в виду?*

— Деньги и правовую систему, которая помогает регулировать коммерческие сделки и не позволяет брать вещи без оплаты.

— *Мы же договорились забыть про тот чизкейк!*

— Да, извини, чизкейк в прошлом. К тому же остатки я отдала Философу... Итак, позже мы обсудим это гораздо подробнее, а пока давай считать экономику наукой, изучающей рынки, их успехи и провалы.

— *Не слишком ли узкий взгляд?*

— Так кажется, потому что ты еще плохо представляешь значимость рынков. Вот почему я хочу поговорить о тостере.

— *Хорошо, я заинтригован.*

— Несколько лет назад британский дизайнер Томас Туэйтс попытался собрать тостер с нуля [1]. Тостер — это ведь не андроид и не суперкомпьютер, рассудил Туэйтс. Да это пара пустяков!

— *Дай угадаю. Ничего не вышло?*

— Попытка Туэйтса обернулась трагикомедией. Он начал с покупки самого дешевого (3,99 фунта стерлингов) тостера, который смог найти, а затем попробовал его переделать. Разобрав тостер, Туэйтс обнаружил, что такой простой прибор состоит из четырехсот отдельных частей, сделанных более чем из сотни различных материалов. Не имея возможности раздобыть столько сырья, он решил использовать всего пять: сталь, слюду, пластик, медь и никель. Напрашивается предположение, что Туэйтс, одаренный дизайнер, понимающий в технике больше любого из нас, должен был по крайней мере приблизиться к успеху.

— *Хе-хе, нет. Чувствую, его ждало фиаско.*

— Именно. Тостер Туэйтса выглядел, как морское чудовище, и после включения проработал секунд пять, прежде чем один из элементов расплавился. Его изготовление стоило 1187,54 фунта. Мораль: работая в одиночку, ни один человек, каким бы гениальным он ни был, не в состоянии сделать тостер или, как следствие, другой бытовой прибор, который мы считаем само собой разумеющимся. Тем не менее рынок — сложная, хитрая машина для выполнения практических задач — может произвести любое устройство, причем с незначительными затратами. И так не только с тостерами. Вся современная жизнь представляет собой калейдоскоп рыночных чудес. Например, мы сейчас можем зайти в любое кафе в Вест-Хэмпстеде и заказать чашку кофе. Никто не знал заранее, что мы захотим выпить кофе, однако в кафе все готово.

Кофейные зерна выращены в Колумбии; молоко дают коровы в Девоне; вода доходит до нас очищенной по сотням километров подземных тоннелей; сахар получают из свеклы, выращенной в Восточной Англии; шоколад для капучино сделан из какао-бобов, доставленных из Западной Африки.

— Подожди минутку. Ты же знаешь, что сказал бы Философ, будь он здесь. Мол, все приятные вещи — тостеры, кофе, шоколад и прочие — имеют скрытую стоимость. Может, они так дешевы для нас, потому что людям мало платят за работу на плантациях. Может, кто-то разбогател за счет тяжелого труда и бедности других людей. И как насчет огромного ущерба экологии?

— Как всегда, он оказался бы прав. Мы, разумеется, не станем закрывать глаза на недостатки рыночной системы и международной торговли. Рынки позволяют организовать масштабное сотрудничество и намного улучшить благосостояние людей. Хотя система явно не идеальна, нужно прежде всего понять ее удивительно сложное устройство. Только тогда мы сможем исправить недочеты. Эксперимент Туэйтса показал, что он не может сделать тостер, а вот починить наш, не оставив дом без электричества, — вполне.

Некоторые утверждают, что рынки настолько важны для нашего процветания, что правительство должно иметь как можно меньший вес и не мешать [2]. Я предпочитаю другую интерпретацию: все мы являемся частью коллектива (рыночной системы) и поэтому обязаны работать над устранением недостатков этой системы, которые возникают неизбежно. Думаю, рыночная система — это как завести собаку...

— Ну, началось...

— Преимущества несомненны. Все владельцы собак отмечают, что их жизнь стала лучше, счастливее, полнее, богаче. Но есть и минусы...

— *Незначительные!*

— Приходится гулять даже под дождем, за собакой нужно убирать, иногда она устраивает дома кавардак или приносит блох.

— *Никто не идеален.*

— Вот почему надо сделать так, чтобы радостей от жизни с собакой было как можно больше и чтобы тяготы не ложились на плечи одного безропотного трудяги вроде меня.

— *Слегка надуманно, хотя и справедливо. Впрочем, если учишь экономике собаку, таких сравнений, видимо, не избежать.*

— Я хочу сказать, что мы не станем обожествлять или демонизировать рынки, наша задача — понять их принципы. Порой, чтобы продвинуться вперед, нужно сделать шаг назад, поэтому на первых прогулках мы углубимся в историю экономики и познакомимся с несколькими выдающимися личностями, отцами-основателями. К сожалению, среди них действительно одни отцы — все они мужчины, ведь до XX века известных женщин-экономистов не было. Хотя работы этих ученых весьма известны, их часто неправильно понимают, их учения упрощают или искажают, чтобы они соответствовали более поздним идеологическим убеждениям. После урока истории мы обсудим микроэкономику, которая изучает то, как люди — и в качестве примера мы сможем взять конкретных людей, домохозяйства или фирмы — принимают решения и взаимодействуют на рынке. Затем поговорим о макроэкономике — она рассматривает экономическую политику, исследуя такие вопросы, как безработица, экономический рост и международная торговля, а также способы, которыми правительства могут помочь или помешать экономике.

Хорошо, а как насчет того, чтобы зайти в кафе и попробовать продукцию тех самых сетей, из которых сплетена международная торговля?

Прогулка вторая

Часть первая

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ПОЧТИ ЧЕГО УГОДНО

В первой части этой прогулки мы дадим определение экономики и обсудим историческое развитие рыночных отношений, а во второй поговорим о крупных ученых, чьи идеи, собственно, и сформировали предмет нашей беседы.

Мы намеревались прогуляться по знакомой тропинке через лес вокруг Голдерс-Хилл, красивого парка, примыкающего к лесопарковой зоне Хэмпстед-Хит. Обычно мы идем по величественным аллеям, а потом по тропинкам, вьющимся между деревьями. Если бы с нами был Философ, он бы хвастал умением определять птиц по голосам («Это самец пеночки... два года, только что вернулся с зимовки... да, судя по акценту, из Чада»), или грибы по внешнему виду («Это вонючая бледная поганка, вкус жженого миндаля, вызывает немедленное удушье и смерть, если только не применять в качестве суппозитория, — тогда ощущается только легкое покалывание»), или животных по экскрементам («Эти принадлежат ласке — легко отличить от горносталя по меньшему размеру и запаху жженого миндаля»). Но его нет, так что на прогулке будем только Монти, я и экономика.

Шел небольшой дождь — не настолько сильный, чтобы дать нам повод остаться дома. Я хорошо подготовила нас обоих, на Монти надела непромокаемый плащ, который он,

видимо, считает ударом по своей мужественности («Он розовый!» — «Нет, вишневый!»), и мы пошли.

— Ну, Монти, — сказала я, когда мы достигли леса, оказавшись в безопасности и уединении, — философия тебя неплохо развлекла, но не пора ли узнать что-нибудь полезное?

Монти бросил на меня красноречивый взгляд. Этим его умением восхищаются все в нашей семье. Удивительно, как много может выразить поднятая собачья бровь или изгиб собачьей губы.

— *Зависит от того, что ты имеешь в виду под «полезным».*

— Кажется, философия тебя испортила.

— *Полезное может быть для меня, а может — для тебя.*

— Справедливо. Что ж, польза в основном для меня. Впрочем, это не игра с нулевой суммой.

— *Какая игра?*

— Игра с нулевой суммой означает, что ты либо все выигрываешь, либо все проигрываешь. Когда лев встречает зебру, это игра с нулевой суммой. А в нашем случае извлечь выгоду может каждый.

— *Намекаешь на то, что я не потрачу время зря?*

— Я сама об этом позабочусь.

— *Чизкейк?*

— Даже не мечтай. Собачье печенье.

— *Философ намного щедрее.*

— Хочешь сказать, податливее? Ну, теперь играем по моим правилам.

— *Три?*

— *Чего?*

— *Три печенья.*

— Ты выбрал хорошую тактику для ведения переговоров. Начал с большого запроса, зная, что в итоге пойдешь на уступки. Получишь два.